

Е. А. ЖЕЛТОВЪ.

Т Р Я С И Н А.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ).



МОСКВА.

Типографія „Разсвѣтъ“, уголъ Воздвиженки и Кисловки, д. Шмитъ.

1893.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 3 марта 1893 года.

* * *

*Нѣтъ, нѣтъ, я жить хочу, на что мнѣ муки!...
Я слышу вѣчной жизни звуки —
Ея чарующій призывъ;*

*Я слышу пѣсню серафима
Изъ словъ божественнаго міра
О вѣчныхъ радостяхъ души.*

*Какъ нѣжны тоны ея лиры
И какъ полны небесной силы
Слова свободы и любви!*

*Зовутъ они не въ міръ страданій,
Не къ злобѣ ложныхъ упованій,
Не къ славѣ гордой и пустой; —*

*Зовутъ они въ тотъ міръ блаженный,
Гдѣ свѣтъ любовью отраженный
На жизнь бросаетъ отблескъ свой!...*

Ө. Ж.

ТРЯСИНА.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.)

Ө. А. Желтова.

„Не ускоряйте смерти заблужденіями
вашей жизни, и не привлекайте къ себѣ
погибели дѣлами рукъ вашихъ.“—

Соломонъ (Премудр. 1; 12).

.... Ночь была темная, непроглядная, одна изъ тѣхъ осеннихъ ночей, въ которую, какъ говорится, хоть глазъ выколи—ничего не видно. Мы усѣлись съ товарищемъ въ маленькій ямской тарантасъ и, благословясь, двинулись въ путь. Намъ нужно было ѣхать почти сплошнымъ лѣсомъ одной изъ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностей Вологодской губерніи.

— Ну куда васъ понесетъ въ эдакую темь, — отговаривалъ насъ хозяинъ квартиры, гдѣ мы остановились, — дорога теперь самая бѣдовая, да тутъ и трясины мѣстами... Ночевали бы, а по утру и въ путь.

Куда намъ было слушаться такихъ наставленій;

намъ и такъ надоѣла ѣзда въ душныхъ и тѣсныхъ вагонахъ, а теперь: русская тройка, ширь, просторъ — все это было для насъ ново; намъ не терпѣлось, и мы рвались впередъ и впередъ, чтобы полюбоваться самой природой, а особенно насъ влекли лѣса, эти дѣвственные, хвойные лѣса сѣвера, которыми изобилуетъ Вологодская губернія. Понятно, что мы желали поскорѣе двинуться въ путь, и потому всякія предостереженія намъ были излишни; мы рѣшили ѣхать, и дѣло кончено. Мы распростелись и уѣхали.

Ямщикъ гикнулъ на лошадей; привычныя лошади дружно взяли нашъ тарантасъ, и мы потряслись по городской мостовой, еле-еле освѣщенной тускло горѣвшими кое-гдѣ фонарями. — Вотъ мы уже и за городомъ. Непроглядная тьма сразу охватила насъ со всѣхъ сторонъ. Дорога пошла вязкая, лошади мѣстами еле тащили тарантасъ. Сталъ накрапывать дождь; вѣтеръ началъ крѣпчать. Я укутался въ свой дорожный халатъ; мнѣ какъ-то стало жутко среди непроглядной тьмы, и я ужъ началъ раскаиваться и сожалѣть объ уютной квартиркѣ.

— Экая тьма-то, зги не видать — словно угадывая мои мысли, проговорилъ товарищъ.

— И надо же было ѣхать, — продолжалъ онъ, — лучше бы было обождать до утра.

Я молчалъ. Лошади мѣрно шлепали по разбившейся и вязкой дорогѣ. Ямщикъ то и дѣло под-

бодрялъ ихъ кнудомъ, покрикивая иногда для утѣшенія. Мы медленно двигались по выбитымъ колеямъ, рискуя ежеминутно опрокинуться. Дождь немилосердно началъ хлестать въ лицо. Вѣтеръ сильнѣе тянулъ свою монотонную пѣснь, то и дѣло приходилось заворачивать полу халата, которымъ я укутался. Вотъ, вдали что-то зачернѣло, не смотря на окружающій мракъ; слышенъ какой-то особенный гулъ и вой вѣтра. Мы вѣхали въ лѣсъ. Еще болѣе непроглядная тьма охватила насъ со всѣхъ сторонъ; еле-еле различишь что либо, даже ямщикъ на козлахъ виднѣется намъ какой то смутной, неопредѣленной тѣнью. Еще болѣе жутко стало на душѣ. Я прислушиваюсь къ этому гулу и реву вѣтра, раскачивающаго вершины деревьевъ, всматриваюсь въ окружающую насъ тьму; кругомъ обрисовываются стоящія гиганты — сосны, какъ чудовища протягивающія лапы, цѣпляясь по временамъ своими вѣтвями и обдавая насъ брызгами дождевыхъ капель. Какъ мрачна эта ночная картина въ лѣсу!... Въ головѣ невольно рисуется что-то фантастическое, мнѣ кажется что я ѣду въ какомъ то мрачномъ царствѣ тѣней, что меня влечетъ куда-то какая-то неотразимая, волшебная сила, которая все глубже и глубже увлекаетъ въ это царство тьмы. То кажется, что я плыву среди бушующаго океана; этотъ глухой ревъ вѣтра, эта непроницаемая, непроглядная тьма еще болѣе настраиваетъ воображеніе...

Вонъ тамъ, среди этого мрака, рисуется что-то фантастически-неопредѣленное, разжигающее еще больше воображеніе: то вдругъ блеснетъ что-то во тьмѣ, то среди дикаго воя вѣтра раздается страшный гулъ и трескъ упавшаго отъ бури дерева.

Я весь превратился въ слухъ и зрѣніе; напряженные мозги работали и работали, фантазія разыгрывалась. Мнѣ какъ то чувствовалось и жутко и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо; я вспоминалъ всѣ путешествія и приключенія, о которыхъ мнѣ привелось и читать и слышать. Какъ-то безотчетно хотѣлось перенести себя въ положеніе героевъ этихъ приключеній. Я воображалъ себя ѣдущимъ по непроходимымъ лѣсамъ Америки. Вотъ-вотъ, думалось мнѣ, изъ этой чащи деревъ наскочить на насъ вдругъ какая нибудь шайка полудикихъ разбойниковъ... А что, въ самомъ дѣлѣ!... Я слыхалъ, что и здѣсь бывають нападенія; главное, не нужно терять присутствія духа; я слыхалъ также, что смѣльчаки-храбрецы прогоняли цѣлую толпу бандитовъ одной безшабашной смѣлостью; да что, попробуй, напади, — съумѣемъ за себя постоять! — и я началъ раздумывать, какъ буду раздѣливаться съ воображаемымъ врагомъ.

Какъ будто въ возмездіе за мою воображаемую храбрость и въ отвѣтъ на мои мысли вдругъ мнѣ съ размаху хряснуло въ лицо здоровенной корявой орясиной.

Отъ неожиданности и отъ страха я какъ-то сразу съежился и захрипѣлъ, неистово толкая одной рукой въ бокъ заснувшего товарища, а другой — въ спину ямщика.

— Пошелъ, пошелъ!... кричалъ я придавленнымъ голосомъ, — гони!... позабылъ я и свою храбрость и недавнія о ней мечты.

— Что ты, во снѣ, что ли!... проснулся отъ толчковъ мой товарищъ.

— Го-о-ни!... тузилъ я неистово ямскую спину, — меня кто-то въ лицо... дубиной!...

— Чаво жъ гнать-то? оборотился наконецъ ямщикъ, — это сучкомъ васъ пришибло; ишь они на самую дорогу лѣзутъ...

Товарищъ мой размѣялся и сталъ опять прилаживаться спать, а мнѣ въ утѣшеніе осталось нащупывать порядочную шишку, вскочившую отъ ушиба на лбу.

— Ты, братецъ, гляди на дорогу-то: куда прешь?!... сердился я на ямщика.

— Дорога-то, сударь, одна... мѣсто лѣсное, да и не видкѣ: темь!...

— Далеко ли до станціи-то?

— Да почитай къ свѣту только угадаешь туда, ишь какая несуразина дорога-то... нно, ишь вы, миляги!... подбадривалъ онъ лошадей.

И я началъ проклинать въ душѣ несуразную дорогу и сожалѣть, что пустился въ ночной путь

ощупывая изрѣдка вскочившую на лбу шишку. Тарантасъ нашъ качало изъ стороны въ сторону, по временамъ натыкались на корни и пни; эта однообразная качка и этотъ однообразный лѣсной гулъ, смѣшанный съ треньканьемъ бубенчиковъ какъ-то начиналъ заволакивать и туманить мысли. И опять вереница мыслей какъ-то самопроизвольно и спутанно потянулась въ головѣ.

И что это за ямщики? думалъ я: тянется какъ черепаха! А въ самомъ дѣлѣ дорога несуразная, ишь какъ трясеть, а слякоть-то, слякоть... Эхъ, если бы теперь мы спали въ квартирѣ... и въ самомъ дѣлѣ по утру бы ладнѣе ѣхать, а то вишь ты какъ раздуваетъ, — думалъ я, кутаясь плотнѣе, — да и дождь не унимается.

А что если на насъ вдругъ наскочить какой-нибудь обитатель сѣверныхъ лѣсовъ, вроде Мишеньки-Таптыгина? — Говорять, что ихъ здѣсь много водится. Вонъ, вонъ среди чащи виднѣется какой-то зловѣщій блескъ глазъ...

Э-э, какъ гудить, какъ гудить, вотъ она гдѣ буря-то, — а темь-то, темь!... Фу, ты, какая дорога не ровная! А славно бы соснуть... а ямщикъ, что ямщикъ? и что это свѣтитса? а, это онъ закуриваетса... трень, трень, трень... И на что это ямщики бубенчики подвязываютъ? — трень, трень, трень, трень. Хозяинъ, говорить — трясина; да что можетъ быть? трясина, тря-сина... какая трясина? помилуй Богъ,

если что... а говорятъ эти трясины совсѣмъ чело-
вѣка засасывають, я читаль гдѣ то... да, ужасно.

И что это какъ холодно, такъ и леденить; такъ
и леденить; ишь какъ воетъ, а вода-то, вода, бррр...!
Ну и дождь же разошелся, а вѣтеръ-то вѣтеръ;
спасибо хоть въ лѣсу не такъ беретъ; ну ужъ и
гудить... И дернуло-же насъ ѣхать ночью; ну, что
мы увидимъ? — Что это?... чу! — что-то завывло, да
такъ страшно, такъ страшно... вотъ затихло... вотъ
опять... какъ-то жалобно, жалобно и страшно...

— Стой, стой, тпру!... раздался вдругъ неистовый
крикъ ямщика.

И вдругъ, за этимъ кригомъ, тарантасъ нашъ
на бокъ: разъ, разъ, тррахъ!...

Что это?... Куда это мы свалились?... тина, мокро...
да вѣдь это трясина! съ ужасомъ промелькнуло у
меня въ головѣ — и странное дѣло: не смотря на
этотъ ужасъ, у меня отчетливо промелькнуло въ
головѣ про полученную шишку на лбу, и потомъ
мысли вдругъ перескочили на хозяина, провожавшаго
насъ и предупреждавшаго о трясилахъ... Накаркала
ворона, подумаль я... Ужасъ, невыразимый ужасъ
охватилъ меня; я сталъ ощупываться, всматриваюсь
въ темноту — ничего не видно.

— Куда ты насъ, чортъ, завезъ?!... слышу вдругъ
въ темнотѣ неподалеку отъ меня голосъ товарища.

— Кто е знаетъ, какъ это насъ угораздило:
должно лѣшій обошелъ, отвѣчалъ откуда-то ямщикъ.

— Самъ ты лѣшій, дерево корявое!... чуть-чуть, дубина, не убиль; — ишь въ какую грязищу влопался... Да гдѣ ты, животное, иди сюда что ли!... Тутъ завязнешь и невыберешься...

Я сталъ выбиратья на голось товарища, усиленно работая и ногами и руками, двигаясь туловищемъ по липкой грязи.

Ямщикъ и товарищъ пыхтѣли въ грязи, обликая меня. Ужась моего положенія усиливала еще эта жуткая тьма, изъ которой, какъ изъ бездны, раздавались повременамъ голоса товарища и ямщика.

Я приблизился немного къ полуопрокинутому и до половины ушедшему въ тину тарантасу, съ другой стороны товарищъ, такъ же какъ и я отброшенный при паденіи въ сторону, уже влѣзалъ на него, вытягая ноги изъ тины. Ямщикъ возился около завязшихъ лошадей.

— Ишь тебя, дьяволь; угораздило! — кричалъ не унимавшійся товарищъ на ямщика, сидя верхомъ на тарантасѣ и вытаскивая меня за руку.

— Да тутъ пропадешь! проговорилъ я, еле переводя духъ отъ усталости и влѣзая на тарантасъ.

— И надо же было ѣхать, — разсуждалъ въ темнотѣ ямщикъ, — правду хозяинъ-то говорилъ, такъ нѣтъ... вотъ и втюрились. Ночная-то поѣздка она тово... вотъ и сиди теперь...

— Да ты что тамъ разсуждаешь! закричалъ опять

товарищъ; дергай лошадей-то, что ли, выбирайся на дорогу опять!...

— Выберешься какъ же; выбратся бы недолго, да только... тпру, стой!... возился что-то ямщикъ у лошадей, — ишь вѣдь какъ зажало... затянетъ здѣсь гляди, и не вылъзешь.

— Да ты, что же тамъ торчишь?! Понукай лошадей-то, что ли!... не сидѣть же намъ здѣсь?!...

— Зачѣмъ сидѣть... я и самъ бы радъ, да не выберешься никакъ — ишь какъ затянуло: и ногъ не выдерешь...

— Ню! но! но-о! — кричалъ ямщикъ, дергая лошадей.

Мы слышали только, какъ подъ нами тарантасъ накренивался то на тотъ, то на другой бокъ, да какую-то подозрительную подъ ногами зыбь.

Лошади ржали, ямщикъ понукалъ и чмокалъ, а тарантасъ все также недвижимо лежалъ среди пло-вучей грязи и медленно, медленно, но неотразимо все глубже и глубже погружался въ эту предательскую тину; я чувствовалъ это и чувствовалъ какъ сердце, охваченное страхомъ, сильнѣе и сильнѣе билось въ груди.

— Ямщикъ, — проговорилъ я дрожавшимъ голо-сомъ, — брось лошадей-то, иди лучше сюда, — надо къ берегу прежде выбратся...

И я сталъ осматриваться, едва различая въ тем-

нотѣ предметы; товарищъ щупаль ногами, ища твердую почву.

И какъ это мы попали, думалъ я, всматриваясь въ темноту, какъ это мы попали?...

Кругомъ чернѣло что-то — очевидно лѣсъ; недалеко поднималась какая-то круча, съ которой навѣрно насъ и отбросило; мы были въ какой-то котловинѣ.

Кругомъ все тина: гдѣ ни ступишь, вездѣ нога свободно уходитъ въ эту вязкую тину, не встрѣчая сопротивленія.

— Скверно дѣло! — подумалъ я — одно спасеніе: надо назадъ попробовать выбратся.

Я сказалъ товарищу. Онъ двинулся было къ виднѣвшейся кручѣ; едва онъ ступилъ, какъ ноги буквально увязли по колѣна. Онъ еле выбрался обратно.

Вдругъ лошади какъ то усиленно забились и особенно жалобно заржали. Тарантасъ нашъ накренился еще больше и еще больше осѣлъ въ тину. Послышалось какое то бульканье, смѣшанное съ жалобнымъ ржаньемъ и храпѣньемъ лошадей. Продолжалось это недолго и потомъ все смолкло, слышно было только, какъ выбирается изъ тины ямщикъ, возившійся все время около лошадей.

— Батюшки, ги-и-бну! вдругъ закричалъ онъ отчаянно жалобнымъ воплемъ, заставившимъ еще

больше похолодѣть насъ, и безъ того охваченныхъ ужасомъ.

— Что ты? вскричали мы внѣ себя оба.

— Поги-ба-а-ю... О, Господи, помоги-и-те!... еще жалобнѣе за душу хватающимъ голосомъ протянулъ ямщикъ.

— Да ты вылѣзай!...

— Не могу, о, батюшки, такъ и тянетъ не...не вылѣзешь... должно ноги подъ лошадь... ай... тону... помогите... помоги-и-те! еще отчаяннѣе, разрывающимъ душу голосомъ просилъ нашъ ямщикъ.

Я забылъ все, забылъ страхъ, не вдумавшись въ то, принесу ли я какую пользу, хотѣлъ было броситься на помощь.

— Стой! — удержалъ меня товарищъ, — эдакъ ничего не сдѣлаешь.

Я самъ остановился; чувство страха взяло верхъ; у меня защемило сердце, закружилась голова...

Товарищъ шарилъ что-то въ тарантасъ, который ужъ началъ наполняться грязью. Ему случайно попалась веревка.

— Держись! бросилъ онъ ямщику одинъ конецъ. Тотъ ухватился и прикрѣпилъ себя.

Мы начали его тащить; онъ старательно карабкался въ засосавшей его грязи, но ни на волосъ не подвигался. Покуда мы хлопотали, мы и не замѣтили, что нашъ тарантасъ весь ушелъ въ тину и что мы сами стояли по колѣна въ грязи.— Я

чувствовалъ, что нашъ тарантасъ неотразимо опускался все глубже и глубже, какъ будто его туда тянула какая-то непреодолимая сила.

— Ну, братъ, пропали!... съ отчаяніемъ подумалъ я.

Чуть-чуть стало свѣтать, я сталъ приглядываться. Отъ нашей тройки лошадей не было и помину — они совсѣмъ скрылись въ глубь трясины, и отъ нихъ виднѣлась только верхушка дуги коренника; неподалеку барахтался завязшій по самыя плечи ямщикъ; съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ онъ поминутно дергалъ руками съ заоченѣвшими пальцами, держащими поданную нами веревку. Съ каждой минутой, съ каждымъ мгновеньемъ онъ погружался, все глубже и глубже, онъ пересталъ ужъ кричать, а какъ-то неистово хрипѣлъ, точно борясь съ сильнымъ врагомъ и напрягая послѣднія силы, чтобы отъ него отбиться. Съ несказаннымъ ужасомъ, забывая то, что и мы сами также неотразимо погружаемся въ глубь, я смотрѣлъ на эти послѣднія минуты отчаянной борьбы ямщика... вотъ еще минута... двѣ... три... и ямщикъ съ страшно искаженнымъ лицомъ, съ выготившимися отъ ужаса глазами, въ послѣдній разъ задергалъ руками и отчаянно затрясъ головой, испуская какой-то отчаянно-безумный вой, заставившій насъ похолодѣть и скрылся въ увлекавшую глубь трясины, точно его туда тянуло какое чудовище.

У меня похолодѣло сердце, и волосы стали дыбомъ. Никогда не забуду я ни этой картины, ни этого отчаяннаго предсмертнаго крика!

Раза [два надъ тиной показались руки съ судорожно скорченными пальцами, и затѣмъ все стихло; надъ мѣстомъ, гдѣ утонулъ ямщикъ, стали только сплываться комочки грязи да вскакивать пузырьки. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на это мѣсто, точно не вѣря въ совершившееся и ожидая чего-то, и вдругъ охватившій меня несказанный ужасъ точно подбросилъ на мѣстѣ, и я, не разбирая ничего, безумно бросился въ сторону къ недалеко виднѣвшейся кручѣ и еще больше увязъ въ липкую и вязкую тину, такъ что не имѣлъ уже силъ двинуться съ мѣста.

— Батюшки, Господи, мы погибнемъ, погибнемъ! — вдругъ отдался я весь чувству страха и съ усиленіемъ началъ барахтаться въ грязи; я чувствовалъ, что съ каждой минутой мои силы слабѣли и слабѣли, и что меня все болѣе и болѣе тянуло внизъ, какъ будто на ногахъ висѣла огромная тяжесть. — Я выбился изъ силъ и тупо отдался произволу судьбы; какая-то истома во всѣхъ членахъ чувствовалась во мнѣ. Я какъ будто оцѣпенѣлъ, не имѣя возможности сдѣлать какое-либо движеніе; я безучастно относился къ товарищу, который тоже не менѣе меня испытывалъ тщетно всѣ средства къ спасенію; въ эту минуту я весь погрузился въ себя; казалось,

весь міръ сосредоточился во мнѣ, и мысли, давно уже забытыя, и событія, давно уже прошедшія, вдругъ съ ясной точностію воскресали въ воображеніи, и мнѣ вдругъ захотѣлось безумно, съ какимъ-то отчаяннымъ порывомъ, жить, жить и жить... Мнѣ не хотѣлось умирать и не вѣрилось въ то, чтобы я погибъ ужасной смертію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ спасенія: стоило только выбратъся на этотъ виднѣющійся невдалекѣ твердый берегъ, гдѣ раскинулись деревья, и я буду спасенъ, я буду опять жить. Мнѣ казалось, что этотъ, едва виднѣющійся въ сумракѣ, спасительный берегъ есть та самая грань живого и наслаждающагося счастливою жизнью міра, куда я такъ нестерпимо стремлюсь со всеми своими побужденіями, чувствами и силами души, куда мнѣ необходимо достигнуть, чтобы опять жить, выбравшись изъ когтей смерти. Мнѣ казалось, что тамъ, гдѣ мы стоимъ и боремся, ежеминутно погрязая въ тину, есть заколдованный кругъ смерти, отрѣшенный отъ всего живого, а жизнь, жизнь сладкая, радостная, свѣтлая — она тамъ вдали за этимъ кругомъ, тамъ за этой гранью, куда стремится моя душа, куда меня влечетъ чувство сохраненія жизни. И въ эти минуты мнѣ представилась жизнь со всеми своими радостями до того прекрасной, до того счастливой, что желаніе жизни разгорѣлось во мнѣ въ какую-то безумную страсть. Цѣлый рой мыслей воскресалъ и проносился въ головѣ; я едва

успѣвалъ ихъ только схватывать на лету, безучастно относясь къ окружающему и не обращая ни на что вниманія. Я впалъ въ какое-то тупое полузабытѣе, я чувствовалъ опасность и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить мысли, что я погибну, и рядомъ съ этимъ ужасный страхъ сковывалъ меня, и я безумно желалъ, чтобы я сейчасъ же, сію минуту, освобо-дился изъ этихъ проклятыхъ тисковъ. Сознаніе путалось, и страхъ смерти, сплетаясь съ надеждой спасенія, представлялъ мнѣ, что вотъ какая-то сверхъестественная сила вдругъ подниметъ и пере-несетъ меня на твердую почву, и мнѣ казалось, что стоитъ только скинуть съ ногъ что-то тяжелое, и я сразу освобожусь и взлечу къ верху. Мысли мои разжигались, а неотразимая глубь дѣлала свое дѣло и постепенно поглощала въ себя свою без-защитную жертву. Вдругъ чувство сильнаго страха опять охватило все мое существо; я какъ будто бы только въ эту минуту со всѣмъ ужасомъ понялъ свою неизбежную гибель; мысль, что я неотразимо погибну въ этой трясинѣ, подняла у меня волосы на головѣ и заставила похолодѣть кровь въ жилахъ. Я отчаянно рванулся и началъ звать на помощь; голосъ мой сливался съ голосомъ товарища, но намъ откликнулся только собственный же голосъ, отдававшійся въ лѣсу. Вѣтеръ затихъ, и только мрачное молчаніе лѣса да царившая мертвая тишь точно сторожили наши послѣднія минуты борьбы.

и страданья. Мы буквально были скованы, не имѣя силъ ни двинуться, ни пошевелить ногами; вдали виднѣлся лѣсъ, и тамъ просыпалась жизнь, а мы гибли, гибли безвозвратно, безцѣльно, гибли вблизи этой грани живого міра, и мнѣ казалось, что тамъ, за этой гранью, люди продолжаютъ жить, веселиться, радоваться, что тамъ жизнь, здѣсь же, по эту сторону грани, мы обречены на безвозвратную гибель и ждемъ только минуты, когда надъ нами сомкнется вѣчная тьма. Мнѣ стало невыносимо тяжело и ужасно; я не молилъ уже о томъ, чтобы остаться жить, а если суждено умереть, то умереть хоть не здѣсь, не среди этого молчаливаго лѣса, а тамъ, возлѣ тѣхъ, съ кѣмъ я жилъ, съ кѣмъ провелъ свою жизнь; и я какъ блага желалъ смерти, если она такъ неотразима, но только смерти въ родной семьѣ, гдѣ согрѣлись бы мои страданія послѣднимъ лучемъ любви себѣ близкихъ и гдѣ не пришлось бы отдать жизнь, какъ здѣсь, съ тоскливымъ сознаниемъ одиночества и гибели вдали отъ своего родного крова, гдѣ провелъ я свои юные, свѣтлые годы.

И вотъ въ эту минуту, въ минуту предсмертной агоніи, въ минуту страданія, которыхъ я во всю жизнь не забуду, во мнѣ вдругъ что-то стало совершаться необычайно новое: моя личность какъ будто бы отошла, скрылась и перестала заявлять свои требованія, а сознание мое точно въ первый разъ выступало передо мной во всей своей силѣ

и росло спокойно, безъ задержки и безъ границъ; и несмотря на то, какъ минута за минутой приближался ко мнѣ роковой конецъ, я все-таки былъ захваченъ этой раскрывающейся передо мной внутренней силой, которая заставила меня забыть даже весь ужасъ и страхъ неминуемой смерти. И я почувствовалъ какъ освѣтилась душа моя, и при этомъ свѣтѣ мнѣ вдругъ стали ясны неразрѣшимые и незримые вопросы жизни, которые прежде стояли передо мной, и какъ все это родилось и явилось въ моей головѣ въ минуту величайшаго мученія и страха — я никакъ не могу объяснить, потому что то, что вставало передо мной, до невозможности быстро смѣняясь одно другимъ, прошло въ моихъ мысляхъ, подобно блеску молніи, мгновенно озаряющей тьму.

Передо мной раскрылась вся прожитая жизнь, раскрылась безъ прикрасъ, во всей своей наготѣ, безъ той блестящей мишуры, которая обманывала и закрывала собой зло. И я понялъ, что та жизнь, которую мы привыкли считать за жизнь по наружному блеску и красотѣ, есть въ сущности величайшій обманъ, дающій людямъ только однѣ глупыя побрякушки славы, честолюбія, роскоши и богатства для того, чтобы отвлекать ихъ этимъ отъ истинныхъ благъ жизни, какими должны пользоваться люди. И они, запутанные этой сѣтью, поневолѣ принимаютъ за счастье и радость то, что

составляет позолоту ихъ же собственнаго страданія и горя. Обманутые въ своихъ надеждахъ, они шалѣютъ и бросаются отъ одного призрака счастья къ другому и гоняются за ними, не находя никогда покоя и довольства, такъ какъ намѣченная ими цѣль всегда ускользаетъ впередъ, и они подобно бѣлкѣ въ клѣткѣ, стремятся впередъ и впередъ, бессмысленно вертясь въ колесѣ. И разумъ ихъ, и смыслъ самой жизни меркнетъ передъ ними; людямъ, затапаннымъ въ этотъ кругъ, некогда обдуматься: они какъ слѣпые падаютъ и давятъ другъ друга, мучаясь и отбиваясь отъ своей же собственной, созданной самими, гнетущей ихъ тяготы.

Я понялъ все это, понялъ потому, что у меня свалилось съ глазъ что-то, какъ завѣса, заставившая меня прозрѣть. Отъ меня что-то отошло, что прежде закрывало этотъ свѣтъ и не давало свободно видѣть.

И я понялъ жизнь, и я понялъ истину, я узналъ то, что нужно человѣку для того, чтобъ имѣть истинное благо, истинное счастье на землѣ; я сознавалъ и чувствовалъ, что начало его не во многомъ и что находится оно не виѣ человѣка, а въ немъ самомъ. Что оно было въ своемъ полномъ міровомъ величїи, я не зналъ, но я зналъ *что* его начало и *что* оно есть. Я сознавалъ, что это не многое и есть самое главное, самое великое на землѣ.

Я понялъ, что все то, что есть благо, есть *спокойствіе и свобода человеческого духа*, и это-то

особенное состояніе духа и есть начало того, что можетъ быть счастьемъ и радостью жизни на землѣ.

Я понялъ, что это та истина, къ которой должно стремиться человѣчество, и что для того, чтобы достигнуть этого, нужно жить только тѣмъ, что есть у человека въ его разумъ и душу, и только это, одно только это и есть самое важное и самое великое на землѣ.

Я созналъ, что это спокойствіе и свобода духа только и можетъ спасти человека отъ тяжести соблазновъ и приманокъ жизни и что оно одно есть то счастье, которое можетъ дать и истинную радость и истинное благо для жизни на землѣ. Это есть то высшее благо, которое не можетъ быть знакомо людямъ, живущимъ фальшивыми радостями обмана и соблазна, радостями потѣхъ своей личности, и оно будетъ всегда стоять неизмѣримо выше всего, чтобы люди ни считали за свою радость и счастье на землѣ — только оно одно отвѣчаетъ человеку высшей міровой любовью и даетъ ему его истинную радостную жизнь и полное довольство и покой, и одно это есть и истинный смыслъ, и истинная цѣль всей человѣческой жизни.

И вдругъ какъ огненными буквами нарисовались мнѣ слова Спасителя: „Я есмь путь и истина, и жизнь“... „Я свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій върующій въ Меня не оставался во тьмѣ“. И я понялъ, что та жизнь, которой живетъ человѣчество, есть

тьма, а что только то, *что живетъ въ человечествѣ* — есть свѣтъ, и при немъ одномъ открывается человѣку и истинная жизнь. Я понялъ, что только жизнь въ волю Бога есть истинная жизнь и что эта жизнь и есть самая счастливая, самая блаженная для людей. И мнѣ представилась вся ложь, вся безцѣльная суетность, вся пустота, въ которой я проводилъ дни своей жизни, и мнѣ жалко стало того, что моя жизнь прошла безсмысленно и глупо, и мнѣ жалко стало того, что я убилъ дни своей жизни не на то, чтобы понять истинную жизнь, а на что-то безцѣльное, ненужное, пустое... И я удивился тому перевороту, какой произошелъ въ моей душѣ, удивился тому, какъ это все открылось мнѣ само собою; и мнѣ стало жаль, невыносимо жаль, что я узналъ все это на самомъ концѣ своей жизни.

Я не могу описать, какъ быстро неслись въ головѣ мои мысли, не могу понять, какъ рядъ быстро мѣнявшихся мыслей выдвигалъ передо мной еще что-то величественное другое и, проносясь вихремъ въ головѣ, оставлялъ жгучій слѣдъ на моемъ сознаніи. Въ первый еще разъ въ жизни я испытывалъ такую ясность и опредѣленность мыслей, какъ будто бы на все то, что открывалось мнѣ въ нихъ, положена была цѣлая жизнь съ многими годами мышленія.

И все это разрасталось передо мной и, несмотря на свою необъятность, умѣщалось въ моему соз-

наніи. И я вдругъ созналъ и понялъ, какъ я былъ ничтоженъ и, несмотря на то, что я увидалъ свое прошлое ничтожество, я понималъ, что въ этомъ ничтожествѣ была жизнь, частица того величія, которое открывалось мнѣ; а жизнь, это было все, къ чему я въ эту минуту стремился; въ это время все, весь міръ, вся вселенная была какъ бы во мнѣ самомъ, и это великое, необъятное, сливаясь въ одно съ моимъ сознаниемъ, не оставляло ничего внѣ себя, а все обнимая и обхватывая, вмѣщало въ себя все міровое пространство и погружалось въ вѣчность...

Я затрепеталъ отъ охватившаго меня страшнаго и грознаго величія и въ ужасѣ повергся передъ нимъ, и съ какимъ-то покорнымъ, умиротворяющимъ чувствомъ ждалъ того, какъ послѣдніе остатки моего сознанія перейдутъ въ эту необъятную вѣчность и сольются въ одно...

Въ эту минуту какъ будто бы въ послѣдній разъ дано мнѣ было испытать власть своего тѣла; я очнулся точно отъ полузабытья и опять почувствовалъ прежній страхъ; мысль о гибели мгновенно охватила все мое существо, и вдругъ во мнѣ опять сдѣлался приливъ какого-то бѣшенства, и я сталъ отчаянно рваться изъ коварныхъ объятій предательской трясины.

— Боже мой, неужели я погибну, неужели я погибну?! — мысленно повторялъ я.

Не знаю, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ какъ я, обезсилѣвъ въ первую минуту отъ напряженія, впалъ въ какое-то полусознательное состояніе: можетъ быть минуту, а можетъ быть часъ. Но то, что мнѣ представлялось въ это время при смутномъ сознаніи смерти, до того было полно, до того велико, что я думалъ, что то, что я созналъ за это время, есть цѣлый періодъ моей жизни.

И я снова сталъ рваться изъ объятій охватившей меня трясины, сталъ безумно желать жизни, меня все еще не покидала надежда на спасеніе, хотя къ этому чувству примѣшивалось еще и другое, говорившее мнѣ, что я погибъ, погибъ безвозвратно, и что я не найду выхода изъ объятій смерти, и это послѣднее чувство заставляло холодать кровь въ моихъ жилахъ, отдавая все мое существо смертельнымъ страхомъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ освобожденію, я увидалъ, что мнѣ нѣтъ надежды на спасеніе: я настолько погрузился въ трясину, что не могъ даже свободно дѣйствовать руками, а между тѣмъ я чувствовалъ, какъ я медленно, медленно, но все таки неотразимо опускался глубже и глубже, и я сознавалъ, что вотъ, вотъ надо мной сомкнется эта трясина и я погибну, погибну безвозвратно, я погибну въ нѣсколькихъ шагахъ отъ спасенія, я чувствовалъ какъ учащенно билось во мнѣ сердце, чувствовалъ въ себѣ борьбу жизни и смерти.. Неужели я погибну? въ сотый разъ зада-

валъ я себѣ этотъ скорбный вопросъ; да вѣдь вотъ сейчасъ только стоитъ двинуться немного, и я спасусь на этотъ видимый невдалекѣ спасительный берегъ; что же это меня держитъ? что же это держитъ?... О, Господи, тяжесть какая-то на ногахъ, словно гири, гири; и грудь давить... Вырваться, вырваться! какъ бы говорило все мое существо, и я пробовалъ вырваться, но не могъ, не могъ даже пошевелиться. Я чувствовалъ, что мысли мои начали путаться: неужели я схожу съ ума? задалъ я себѣ вопросъ. О, все равно!... Боже мой! вотъ минута, двѣ... ужасно! хоть бы сразу, что ли... Я чувствовалъ, какъ приливала кровь къ головѣ, какъ стучало въ вискахъ... Неужели смерть!?! И вдругъ въ глазахъ моихъ прошло мое дѣтство, и мнѣ стало больно, горько... неужели я жилъ только для того, чтобъ такъ мучительно, вдали отъ родного крова, вдали отъ родной семьи, умереть въ полномъ расцвѣтѣ силъ и молодости?... Образъ ужасной смерти блеснулъ въ моей головѣ... И вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе отразилось желаніе и любовь къ жизни, меня душила какая-то злоба, злоба на то, что я погибаю... Мысли толпились, роились, смѣнялись, голова кружилась, въ вискахъ стучало, сердце усилено билось, въ горлѣ спирало дыханіе, мнѣ хотѣлось заплакать, и вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ, въ груди что-то клокотало... то были послѣднія минуты жизни, то была отчаянная